

ЮЖНОРУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЧЕРТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КРЕСТЬЯН Д. ПАРФЁНОВО ТОПЧИХИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА¹

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ФУРСОВА

(Институт археологии и этнографии СО РАН: Российская Федерация,
630090, г. Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, д. 17)

Свадьба в целостности, со всеми своими религиозно-мифическими, религиозно-христианскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служит довольно полным и весьма ярким проявлением личности народа как живого организма, выражением его материальной и социальной развитости и культуры.

Н. Ф. Сумцов

Аннотация. В статье рассматриваются межкультурные взаимодействия в д. Парфёново Алтайского края, где проживают переселенцы южнорусского (курские) и украинского (черниговские) происхождения. В основу исследования положены полевые материалы по свадебной обрядности Восточнославянского этнографического отряда², собранные в 2005–2015 гг. Во внимание принимается фактор многовекового сосуществования курских и украинских переселенцев на местах прежнего места жительства на юге Курской губернии. Если до момента переселения в Сибирь в Судженской волости Курской губернии представители разных этнокультурных групп (курские, украинцы) ориентировались на сложившиеся круги брачных связей, то на новом месте сельчане стали активно заключать «смешанные» браки. Автор показывает, какие факторы влияли на трансформацию и степень сохранности свадебных обрядов парфёновцев в первой половине XX в. Явления культурной интерференции заключаются в том, что «подобное усиливается подобным», при условии, если находится подходящая замена (например, замена каравайного обряда на блины) и, наоборот, существенное различие этнических традиций ведет к их ослаблению и забвению. В д. Парфёново под влиянием традиций старожилов трансформировались некоторые внешние формы черниговских и курских обрядов, содержательная их часть сохранялась до процессов раскрестьянивания и угнетения народной культуры в 1930–1950-х гг. Указанные механизмы культурной

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-01-18028е.

² Восточнославянский этнографический отряд был организован Институтом археологии и этнографии СО РАН, руководитель — Е. Ф. Фурсова.

интерференции способствовали выработке общих деревенских традиций, которые составили локальную специфику местной свадьбы в середине XX в.

Ключевые слова: южнорусские и украинские переселенцы Сибири, свадебные обряды, культурная интерференция.

Культурная интерференция в различных регионах и даже отдельных поселениях Сибири в процессе миграций, нередко сопровождавшихся трансформацией идентичностей, способствовала созданию широкого спектра этнокультурных ситуаций. В начале XX в. в Барнаульском уезде Томской губ. южнорусские переселенцы (тамбовские, курские, воронежские, орловские, тульские, рязанские) часто жили совместно с выходцами из Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Черниговской губ. [ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 2, 4]. Проживавшие на прежней прародине чересполосно с украинцами, выходцы из Курской, Воронежской губ. освободились на сибирских землях от прозвища *кацапы*. Однако здесь, несмотря на свою русскую самоидентичность, они нередко получали новое имя *хахлы* по причине мягкого произношения «г». Заметим, что в Сибири *хахлами* называли всех проговаривавших «г» как «х», порой с указывающим на происхождение определением, например, *воронежские хахлы*. Хотя этих южнорусских переселенцев и идентифицировали в сибирских селах как украинцев, сами они четко отделяли себя от них, прежде всего ориентируясь на особенности разговорной речи.

Анализ свадебных обычаев и обрядов в период их интенсивных трансформаций и взаимовлияний первой половины XX в. позволяет проследить сложение новых свадебных комплексов. В качестве модельной для нашего исследования послужила д. Парфёново Барнаульского уезда (ныне Топчихинского р-на Алтайского края), в которой до сих пор соседствуют потомки курских, тульских и черниговских переселенцев. Если до отъезда в Сибирь в Судженской волости Курской губ. круги брачных связей складывались в рамках своих этнокультурных групп (курские, украинцы), то на новом месте, особенно, после революции

1917 г. и обнародования новых законов о семье, селяне стали активно заключать «смешенные» браки. Вместе с тем в изучаемый период, как вспоминали информанты, были и такие люди, которые все еще ориентировались на близких в культурном отношении партнеров. Заключению южнорусско-украинских брачных союзов, безусловно, способствовал фактор многовекового сосуществования на местах прежнего места жительства на юге Курской губ. Хотя в д. Парфёново проживали также тульские переселенцы, тесных связей с курянами и черниговцами они не имели. Для туляков характерно выраженное русское самосознание, о себе пожилые люди говорили, что они *чисто русские*, как нам показалось, подчеркивая тем самым свое отличие от соседствующих *хахлов*. В свадебной обрядности у туляков нами не зафиксировано влияния южных переселенцев. Что касается старожильческого населения, то последнее сохранилось в памяти парфёновцев, но, видимо, из-за миграций сибиряков в другие населенные пункты надежных информантов встретить не удалось. По этой причине для сравнения привлекается материал по свадебной обрядности старожилов, собранный автором в 1983–2015 гг. в соседних селах и районах Алтайского края (Залесовском, Тальменском и пр.).

В 2015 г. о свадебных обычаях при заключении браков хорошо помнила местная жительница д. Парфёново «бабушка Серафима» (1923 г. р.), которая говорила так: «Ну конечно, *придёрживались, как и сейчас придёрживаются, так и раньше было. Ну конечно, старались русских, а щас тут уж посмешались, не хуже. Отец у меня был курский, мамина мать украинка. Ну, кто уж как познакомился. Ну, мама в 22-м, наверно, вышла замуж, я в 23-м родилась*»³. Серафима как старейшая жительница села помнила

³ Здесь и далее приведенные полевые материалы записаны автором от Серафимы Васильевны Шастиной (дев. Несмачных), 1923 г. р., урож. д. Топчиха Топчихинского р-на Алтайского края. По отцовской линии — потомки переселенцев из Курской губернии (1887 г.), по материнской линии (Демьяненко) — выходцы из Черниговской губ. (1904 г.) [Архив ИАЭТ СО РАН, ПМА2015/70].

о курско-черниговских свадебных обычаях, свидетельницей которых была в детстве и юности. Она смогла также поделиться воспоминаниями своей матери. Приведем сообщенные ею данные о свадебных обычаях д. Парфёново, относящиеся к первой трети — середине XX в.

Свадьба была важным событием в жизни всей семьи, поэтому сватать ходили родители и крестный парня, который собирался жениться. Не сосватавший девушку парень не мог рассчитывать на совместную жизнь, а брак, не получивший общественного признания, не мог состояться. Цитата из высказываний информанта: *«Жених не приходил. Приходили его родители и кто-то ещё там, крёсные. Приносили свою еду, бутылочку самогоночки, водки-то не было. Как обычно, садились под матку, чтобы высватать»*. В известной работе И. Абрамова «Черниговские малороссы» (1905) также есть упоминание о том, что сваты не переходили «сволока», т. е. перекладыны на середине потолка, из соображений избегать несогласия в доме жениха [Абрамов 1905, 13].

Серафима Васильевна хорошо помнила, как родители жениха разговаривали «птичьим» языком, намеками, дополняя речь шутками, прибаутками: *«Ну, вот мы пришли к вам товар поглядеть. Ой, у вас то товар богатый, ой, дорогой. Ну, будем рядиться, может, нам это недорого покажется»*. После удачного сватанья в форме купли-продажи присутствующие садились за коллективную выпивку, что называлось *запой*. В 1920-х гг. уже могли спрашивать молодых о согласии вступить в брак. Старшую родственницу Серафимы спросили также: *«Ну, а как же, спрашивает тятя: “Ты согласна, пойдёшь?” — “Согласна”. — “Ну, знай, дочь, мужик у тебя красивый, а топор ты будешь всю жизнь в руках держать”*. А почему? Вот так определял у нас дедушка женихов. Это означало, что работы много будет и женской, и мужской. А как он определил? А Бог его знает, вот так он наворожил им». Второй раз приходили родственники парня уже на договор о сроках свадьбы, размерах приданого.

В отличие от черниговских обычаев, до свадьбы девушки собирались у невесты, однако информант не смогла подтвердить, что собрания назывались, подобно старожильческому, девичниками.

Некоторое время перед свадьбой подружки шили, вышивали и исполняли грустные песни в традициях русской свадьбы, как это описано, например, для Белгородского уезда Курской губернии [Ильинский 1893, 17].

По рассказам, в 1920–1930-е гг. не только пожилые, но и молодые женщины хранили произведения свадебного фольклора, однако в настоящее время в Парфёново такие исполнительницы не проживают. Серафима ранее знала много песен и потому была востребована на деревенских свадьбах до середины 1950-х гг., но сейчас она помнит лишь отдельные фрагменты этих произведений обрядового фольклора: *«О, да старинные. Я песен много знала. А щас вот сижу, не хуже всё позабыла. У меня вот родня и наши были все певчие. Нас тут в селе все знали, нравились всем песни. Вот одна самая хорошая песня была:*

*Отдала меня маменька замуж далеко.
Не велела маменька часто в гостях быть,
А велела маменька с мужем дружно жить.
Прожила я годик, прожила я два.
Я по маменьке соскучилась...»*

От сибиряков-старожилов был заимствован банный обычай накануне свадебного дня (венчания), неизвестный в местах исхода переселенцев [Ермакова, 2012; Абрамов, 1905]. Перед растопленной баней подружки *старяжали веник, невесту парить*. Веник готовили из березы и украшали лентами. Случалось, что веник крали друзья жениха, тогда в дом к жениху приезжали подружки невесты, чтобы выкупить его. Серафима Васильевна также считала, что могли ездить к жениху с веником и предложением париться, кроме того, могли выкупать в семье жениха веник для невесты. Подружки торжественно возвращались в дом невесты в кашовке, при этом привлекали внимание односельчан, махая украшенным веником. Приведем высказывание на этот счет: *«Мы едем к жениху за веником, чтобы парить невесту. Мы приезжаем к жениху, и он как бы нам этот веник продаёт. И мы с этим веником домой ворачиваемся. Едем по улице, этим веником машем, в кашовках тогда ездили»*. По данным И. Абрамова, черниговские малороссы ходили по селу с невестой,

украшенной цветочным венком, приглашая односельчан на свадьбу (или «весиле») [Абрамов 1905, 13]. Таким образом, черниговский веночек в Сибири был заменен на сибирский украшенный березовый веник, что органично встраивалось в банный обряд. Цель появления невесты и подружек на улице села сохранилась одна и та же — сообщение о предстоящей свадьбе, приглашение гостей. Забылись песни о «квитках» (цветках), которые раньше исполняли сопровождавшие невесту «дружки» [Абрамов 1905, 13].

Ранним утром свадебного дня до приезда жениха мать стелила по полу шубу шерстью вверх, и невеста прощалась с родными: *«Вот как раньше голосили, что вот отдаю тебя в чужие люди, да приговоры. И она как прощенья просит у матери: “Мам, прости меня за всё”»*. Это делалось без жениха и всех посторонних. Несмотря на распространенное в литературе мнение, что плачи невесты характерны в основном для севернорусской свадьбы [Чистов 1987, 402], в описаниях малорусских и южнорусских свадебных обрядов XIX в. постоянно встречаются указания на плачи невесты, особенно во время расставания с родственниками и родным домом [Ильинский 1893, 17, 19, 21, 24; Янчук 1885, 22, 46]. Таким образом, оплакивание девичества у парфёновских невест нельзя считать только сибирским заимствованием, хотя усилению этого обычая старожилы, безусловно, могли способствовать [Фурсова, Васеха 2005, 50].

Собранная и нарядно одетая девушка ожидала жениха, который приезжал выкупать невесту, что обозначалось в обряде выкупом косы. Девушка-невеста и сидела с одной заплетенной косой. Подружки заранее плели косу из конопля, украшая ее разноцветными лентами. Жених и его друзья вели примерно такой разговор: *«Вот жених приезжает с дружкой там и спрашивает: “Сколько ваш товар стоит?” — “Вот четыре угла, а посередине четверть венца”. Ну, тут шутики, рядитца, кто раскладывает. Ну, не по рублю давали, нам надо дороже продать»*. Подружки дружно настаивали: *«Ой, наша коса, да кака краса, да она денюжку стоит. И вот стоко-то, стоко-то»*. Таким образом, у парфёновских переселенцев, как и у старожилов, косу выкупали перед венчанием и свадьбой, в отличие

от черниговцев, у которых братья продавали молодую только после венчания [Абрамов 1905, 17]. Именно в это время черниговская невеста могла себе позволить грустить об оставляемой девичьей доле, сравнивала себя с одинокой *засулей* (кукушкой), *галочкой*.

Затем следовал выкуп постели и приданого. *«На подушки садимся, на постель и там они должны выкупить. Приданое отдавалось также с прибаутками: “Ой, да наша подушка пёрушко к пёрушко, да велика, да мягка, да хороша, да пусть нашим молодым спится и день и ночь”*. Когда жених выкупал приданое, то подружки везли его в дом жениха. По прибытию шутили, делали вид, что не могут пройти в дверь: *“Ой, да што ж вы двери такие, да вы разве не знали, што мы широкие, богатые”*. Ну, опять нам выносят по стопочке. Ну, тогда уж, как подали нам, тогда уж мы затаскиваем постель, стелим невестину коечку, всё убираем, полотенчик обязательно».

В парфёновской свадьбе прекратили существование шуточные песни со стороны партий жениха и невесты накануне венчания, а также наряженная сабля, с которой шли к венцу. Бросаются в глаза также отличия в снаряжении: если в Сибири обычно собирали несколько конных подвод и приличным считалось ехать в санях или кашевах, то в Черниговской и ряде других соседних губерний ходили пешком [Абрамов 1905, 16].

Вопрос о месте проведения свадьбы в д. Парфёново заставлял бабушку Серафиму волноваться и путать показания. Черниговскую «вечерю» у молодой она не помнила, но и со старожильческим вариантом свадьбы в доме у жениха тоже не могла согласиться. Все же нашлось много подтверждений, что, согласно южнорусским и украинским обычаям, свадьбу играли поочередно в доме невесты и в доме жениха, т. е. так, как, например, в селениях Суджанского уезда [Ермакова 2012, 45]. Приведем рассказ на эту тему: *«Договор — свадьба. Свадьба так игралась. Сначала играли у невесты, да. Сначала у невесты отыграли, тогда ехали к жениху. На второй день похмелялись перво у жениха, тогда обедать ехали к невесте, ну и так»*. После выкупа невесты (при наличии церкви — после венчания) молодых усаживали в *святой угол* (под божницу).

Приходили гости и родители жениха. Родителей и всех родственников жениха и невесты усаживали по правую и левую стороны от молодых. За ходом «обеда», порядком обрядов и поздравлений следила приглашенная женщина — сваха. *«И вот у невесты начинаем отмечать. Потом по стопке подали, ну сейчас-то не так. Ну, отгуляли, обед кончился, к жениху поехали. Приданое уже отвезли».* Все гости, следовательно, проезжали догуливать в дом жениха.

Родители жениха встречали молодых хлебом-солью и благословляли иконой. По поводу иконы местные женщины объясняли, что брали в руки такие иконы, которые не успели отобрать, т. е. в изучаемое время семейные, передаваемые из поколения в поколение, иконы являлись большой редкостью. Здесь, как и в доме невесты, стелили шубу, что информант объясняла следующим образом: *«Све-кровь должна шубу постелить, чтоб молодые прошли через эту шубу, чтоб не было в дому шуму»⁴.* Случалось, что приходилось выкупать избу жениха, чтобы продолжить свадьбу. Например, привозили жениха с невестой, сажали их в почетное место в угол, а там уже сидели его родственники и не пускали прибывших гостей. *«Вот мы пришли в один дом, это, значит, у моей сестры, они ещё были старинные. Мы приходили, они там сели все в угол и прялку взяли и прядут сидят. Кто прядёт, кто вяжет, кто латки латает сидит. Ну, если от дружка есть сват, подал, тогда они убираются».*

В первый день свадьбы пели «Молодку», при этом поющие становились на лавки:

*«Молодка, молодка, молоденькая,
головка моя спобеденькая...»*

Еще вариант:

*«Молодка, молодка, молоденькая,
Не с кем ей, молодке, ночку ночевать,
Ночку ночевать, темну коротать,
Лягу спать одна без мила дружка,
Без мила дружка берет грусть-тоска...»*

Песни и танцы продолжались до вечера, потом все расходились до следующего утра. После свадьбы молодых старались уложить спать в отдельном помещении, в качестве которого Серафима Васильевна назвала амбар. *«Ну, как раньше, мама рассказывала, что и в амбарах постелили первую ночь. Наши там вот жили, отец, а тут амбар стоял. Ну, не холодно, наверно, молодым было».* После первой брачной ночи в дом молодогo первыми приходили подружки со стороны невесты будто бы искать свой товар. *«А на второй день, утром, мы идём невесту свою искать к жениху пораньше. Ну, это всё шутки были. Идём к жениху, заходим: “Мы вот товар потеряли. Вчера вот были у вас в избе, наш товар”. Ну, там кто чё, прибаутки, бутылку, за стол. Всё это, похмелились, кто желал».* В Черниговщине и в сибирских селах с компактным украинским населением этот обычай назывался носить молодым *сніданне* [ср. Абрамов 1905, 25; Фурсова, Васеха 2005, 100]. Впрочем, до подружек у молодых успевали побывать в качестве наблюдателей свахи.

Утром второго дня невеста меняла причёску: девичью косу заматывала «шишкой» и повязывалась платком. Об этом пела сваха со стороны невесты:

*«Тода боялася, когда коса моталася,
А теперь моя коса на шишку замоталася».*

Смена убора по широко распространенной традиции символизировала переход в иную социальную группу. Таким образом, причёску и женский головной убор переселенцы меняли не как старожилы, т. е. среди свадебных гуляний первого дня, но по курско-белгородскому обычаю после брачной ночи [Ильинский, 1893, 33]: *«Вот наутро она, переночует у жениха и должна уже быть с шишкой. На второй день она уже сидела за столом такая, да, с завязанной косой. Ну, тут уже молодуха».* Обряд скривания молодой, которую водили для этой цели у черниговцев в церковь, в сибирских материалах не фиксируется.

У южнорусских, как и у украинцев и старожилов-чалдонов⁵, бытовал

⁴ Здесь, видимо, имеется в виду, чтобы была спокойная жизнь.

⁵ Чалдонами называли себя часть старожилов Сибири, по их легенде, являвшиеся будто бы потомками выходцев с Дона — донских казаков [Фурсова 2000, 65–69].

обычай демонстрации целомудренности невесты. *«А как же, там даже на второй день некоторые родители боялись, хомут оденут на тещу. Хомут вот, если занесут в хату, это уже позор. Это вот был позор. Это показывают, что она нечестная, да. А если честная, то тогда начинается, горячий обед».* Обычно давал знать присутствующим о «честности невесты» сам жених, который, по широко распространенному сибирскому обычаю, первым выпивал вино и разбивал стакан. Парфёновская свадьба оказывалась ближе к украинской, чем к чалдонской, во время которой до недавнего времени было принято водить молодых на подклет среди всеобщего застолья. Потомки курских переселенцев считают, что символические красные флажки или красные ленточки на одежде, как символы целомудренности, были придуманы позднее, примерно в 1950-е гг. Что же касается черниговцев, то у них этот обычай был старинным, что подтверждается и описаниями очевидцев начала XX в. [Абрамов 1905, 25].

В парфёновской свадьбе оказался утраченным обычай *дележа каравай* — большого пшеничного хлеба, известного по материалам южнорусской и украинской свадьбы, когда в доме молодой дружки отрезали и раздавали ломти, а гости дарили молодой подарки [Абрамов 1905, 22; Ильинский 1893, 34]. В д. Парфёново дарение молодых деньгами и натуральными подарками в виде птицы и домашних животных происходило во время так называемых *блинов*⁶. Молодым подавали блюдо с блинами, и начинался *горячий обед*, т. е. сбор подарков за блины. Подарки, в том числе в виде животных, собирала сваха от невесты. *«Кто на блины и свинку тащит, она хрюкает на весь дом, а у нас один даже верхом на коню заехал. Коня заводили, ну горячий обед был, назывался, у каво какие шутки были и кто чё подарит. И это называлось горячий обед».* В Парфёнове не сохранился архаичный обычай малороссийской свадьбы надевать друг другу на голову горшки и разбивать их, что, видимо, символизировало

потерю девственности невесты [Абрамов 1905, 27].

Развлечением второго дня, как это и имело место в Черниговщине, а также во многих местах Западной Сибири, было ряжение. Во время *горячего обеда* гости переодевались цыганами, ходили в вывернутых шубах. Они старались шутить, смешить людей, приставали с предложениями гадать, лечить.

После *горячего обеда* наступал черед *продажи калинки*. Калинка, в рассказе Се-рафимы Васильевны, представляла собой следующее: *«Вот брали вино красное и настоящую калину. Две бутылки связываешь, эту пару красной ленточкой и красная калина — настоящая ягода, да, на ветке. Ставим на столе перед молодыми. Ветка калины втыкается между бутылками, между красной лентой».* Продажа калинки напоминала аукцион между родами жениха и невесты за право обладания калинкой. При соревновании в денежных взносах калинка все ж чаще доставалась жениховой родне. Приведем воспоминание: *«Начинаем рядиться: вот родня жениха, вот невесты. Давайте, кто больше отдаст за калинку. Вот тут уже борются все: кому эта достанется калинка. Вот вы положили для жениха пять рублей. Я сваха, стою, собираю, шумлю: “Пять рублей”. Невестины положили тридцать рублей. Я шумлю: “Тридцать рублей!” и ложу всё в одну сумку. А невестова родня в азарт идёт, она старается больше».* В это время свекровь стояла молча с красивым платком или шалью и, когда становилось очевидно, что денег за калинку больше класть не будут, накрывала предмет спора со словами: *«А мой товар неоценим. Ягодки мои и дети мои».* Как показывают материалы XIX в., обряд «калинки» был приурочен у восточных славян к результатам проверки честности невесты [Белорусские песни 1873, 617–639]. В сибирском варианте произошла трансформация в сторону «купли-продажи», можно предположить, символизировавшей окончательную «покупку» невесты, что фиксировалось исследователями и в других регионах Западной Сибири [Похабов 1999, 131].

⁶ Следует отметить, что все же не везде сложилась такая ситуация. В расположенной недалеко местности потомки переселенцев из д. Найтоновичи Стародубского уезда Черниговской губ. сохранили эту традицию: здесь пекли свадебный каравай (Зап. от Варвары Филипповны Карпенко, 1927 г. р., д. Ярки, Черепановский р-н, Новосибирская обл.) [Архив ИАЭТ СО РАН 1989/2].

Специфически местным обычаем второго дня свадьбы был *чуб чесать* у молодого. Предварительно ему шутливо взбивали волосы, и кто-либо из гостей выражал желание *почёсать*. Молодых усаживали вместе и держали перед ними полотенце. «А у меня или у вас, вы зашли, у вас желание есть: “О, надо чуб поче- сать. Да, чё-то некрасиво почёсан”. А вот вскудлатая и всё. Жениху чуб взбивают. Ну, это шутки». В данном случае молодая должна была продемонстрировать любовь, причёсав и поправив чуб. У старожилов подобных обычаев не фиксируется, но в курско-белгородской свадьбе волосы молодому чесала перед венцом сваха [Ильинский 1893, 25].

С целью *приворожить* богатство и спрогнозировать будущую судьбу молодых гости *занимались воровством* — заносили в дом ворованных кур и петухов. Но, в отличие от старожилов, не варили из них лапшу, но следили за поведением. «Ну вот, снаряжал курицу и заносили, чтоб богатые были. Ну я, вот случай рас- сказала про петуха. Вот подали, курица полетела, а петух взялся водку из стоп- ки пить. Там вот хохотали все. Я гово- рю: “Щас испытаем, што у нас за жених будет, пьяница или какой, или весёлый, или закукарекает?” А он как взялся водку хлебать. Петух всё знал, хе-хе. Курица по- шла — та-та-та-та, побежала по столу. Ну, мы ей крылышки связали, чтобы она не улетела. Там вот хохотали все, говорю правду». До наших дней эти представле- ния актуальны, поэтому при краже пету- хов и кур во время сельской свадьбы люди не обижаются, а относятся с пониманием как к заведению.

Подобно обычаям старожилов, моло- дым предлагалось *сор мести*. На пол сы- пали солому, денежную мелочь и давали веник. В 1920-х гг. и здесь имел место дух соревнования: кто быстрее соберет, хотя изначально предполагалось, что имен- но молодая должна показать большую сноровку.

Третий день гуляли в зависимости от обстоятельств у жениха или у не- весты. Чтобы показать, что свадьба за- кончилась, обращаясь к присутствовав- шим говорили: «*Пейте, ешьте, молодые и милые гости, спасибо, что вы пришли, не погребовали. Вот доедайте, допивай- те, на винцо не гневайтесь*». В отличие

от старожилов и севернорусских пересе- ленцев Сибири, у парфёновцев отсутство- вал обычай третьего дня свадьбы *овин тушить*, символизирующий окончание свадьбы. Не было обычая также госте- вать по родственникам в последующие дни, как в сибирской старожильской свадьбе, о чем свидетельствуют полевые материалы автора и описания очевидцев [Григорьевский 1882, 31; ПМА 1989-2015].

* * *

По структуре и веселому характеру курско-украинская свадьба д. Парфё- ново Барнаульского уезда была близка к соответствующим традициям в местах выхода переселенцев. Ряду обрядов на- шлись близкие по смыслу замены: кара- вайный обряд был замещен на *блины*, гулянья невесты в венке на гулянья деву- шек с украшенным березовым веником и пр. Со старожильческими традициями парфёновскую свадьбу роднят обычаи *ездить с наряженным веником, сор мести*, хотя и не ярко выраженные, но известные здесь обычаями девичника, *водить невесту в баню*. Примечательно, что банный об- ряд носил следы состязательности между родственниками невесты и жениха, что, как известно, отсутствовало у старожиль- ческого населения.

Если у старожилов и потомков се- вернорусских переселенцев автором не наблюдалось сомнений относительно места проведения свадебных обрядов (в доме жениха), то у парфёновцев по- добные представления не определены (по К.В. Чистову, пережитки матрило- кального брака). Полевые материалы свидетельствуют о наметившихся тен- денциях играть свадьбу в доме жениха, однако еще и сейчас живы свидетели старинных южнорусско-украинских тра- диций проведения свадеб в доме невесты и смешанных вариантов периодических перемещений из дома невесты в дом же- ниха. Что касается центральных обычаев смены у девушки прически и головного убора с девичьего на женский, а также демонстрации целомудренности невесты, то парфёновская свадьба обнаруживает близость к украинской.

Фольклорная составляющая, в от- личие от свадеб старожилов и север- норусских переселенцев, практически не сохранилась, в их числе известные

«перестрелки»⁷ между партиями невесты и жениха. Тем не менее множество розыгрышей и шуточных препятствий должны были обозначить переход молодых в иную социальную группу, помочь наладить им свою семейную жизнь. Полевые материалы не позволили выявить также значительную роль платков (при дарении жениха со стороны невесты, при введении невесты и жениха в храм, а также молодой в новую избу), как это

наблюдалось в Курской и Черниговской губ. Что же касается обычаев стелить под ноги шубу и усаживать на нее молодых, то активно они бытовали в первой трети XX в. В наши дни парфёновская свадьба включает элементы современного бракосочетания на селе и в основном только пожилые женщины, такие как С. В. Шастина, вспоминают о своих курско-черниговских корнях и особенностях прежних свадебных традиций.

Литература

Абрамов 1905 — *Абрамов И.* Черниговские малороссы: Быт и песни населения Глуховского уезда: Этнографический очерк. СПб., 1905.

Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1873. С. 617–639.

Григоровский 1882 — *Григоровский Н. П.* Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. 4. С. 1–31.

Ермакова 2012 — *Ермакова И. В.* Старинная курская свадьба (село Плехово Суджанского района). Курск, 2012.

Ильинский 1893 — *Ильинский Ф.* Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец, 1893.

Похабов 1999 — *Похабов В. Ф.* Свадебная обрядность сел среднего течения реки Кии

// Народная культура Сибири: Матер. VIII научн.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1999. С. 127–132.

Фурсова, Васеха 2005 — *Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И.* Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 2. Новосибирск, 2005.

Фурсова 2000 — *Фурсова Е. Ф.* Восточные славяне в Западной Сибири: создание этноэкологических систем развития // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 65–69.

Чистов 1987 — *Чистов К. В.* Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 396–416.

Янчук 1885 — *Янчук Н.* Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седелецкой губернии. М., 1885.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, д. 17; тел.: +7 (952) 905-96-94; e-mail: mf11@mail.ru

⁷ «Перестрелками» у информантов и в украиноязычной этнографической литературе называют исполнение куплетов (перебранку) между партиями жениха и невесты, в которых высмеивается противоположная сторона (например: [Янчук 1885, 25, 30]).

SOUTHERN-RUSSIAN AND UKRAINIAN FEATURES IN THE WEDDING RITUALS OF THE PEASANTS IN PARFENOVO VILLAGE OF TOPCHIKHA DISTRICT OF ALTAI TERRITORY IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

ELENA FURSOVA

(Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences:
17, Ak. Lavrentyeva av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Summary. *The author explores cultural interactions in the village of Parfenovo at Altai territory of the first half of the 20th century, where the settlers from the Southern-Russian (Kursk) and Ukrainian (Chernigov) region have lived together. The article is based on field materials of East-Slavic ethnographic expeditions collected in 2005–2015. The author takes into account the factor of co-existence of these migrants in their former places of residence in the south of Kursk province, lasting before resettlement. Until resettlement to Siberia there in Sudzha county of Kursk province the representatives of different ethnic and cultural groups (Kursk Russians, Ukrainians) adhered circles of marital relations. There at the new location the villagers began to enter into “multimodal” marriages actively. The author tried to find out what factors influenced on transformation and degree of preservation of the wedding ceremonies of the inhabitants in Parfenovo village. The phenomena of cultural interference manifested the pattern “alike amplified alike” on condition that there existed a suitable replacement (e. g. ceremonial round loaf “karavay” could be replaced by pancakes). On the contrary, a significant difference between ethnic traditions leads to their weakening (oblivion). Under influence of old dwelling residents of Parfenovka village external form of Chernigov and Kursk rites was transformed, but substantial part of them remained until suppression of popular culture in the 1930s–1950s. These mechanisms of cultural interference contributed to the development of common village traditions which have formed specifics of the local wedding in the first half of the 20th century.*

Key words: Southern-Russian and Ukrainian immigrants in Siberia, wedding ceremonies, cultural interference.

Acknowledgements. *The research is supported by the grant of Russian Foundation for Basic Research No. 16-01-18028e.*

References

- Abramov I.** (1905) Chernigovskie malorossy: Byt i pesni naseleniya Glukhovskogo uезда: Etnograficheskiy ocherk [Chernigov Minor-Russians <Ukrainians>: Everyday life and songs of the population of Glukhov county: Ethnographic essay]. St. Petersburg. In Russian.
- Chistov K. V.** (1987) Semeynye obryady i obryadovyy fol'klor [Family rituals and ritual folklore]. *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of the Eastern Slavs. Essays on traditional culture]. Moscow. Pp. 396–416. In Russian.
- Ermakova I. V.** (2012) Starinnaya kurskaya svad'ba (selo Plekhovo Sudzhanskogo rayona) [Old Kursk wedding (Plekhovo village of Sudzha district)]. Kursk. In Russian.
- Fursova E. F., Vasekha L. I.** (2005) Ocherki traditsionnoy kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX — pervoy treti XX veka (po materialam Novosibirskoy oblasti) [Essays on traditional culture of Ukrainian migrants of Siberia in the 19th — the third triens of the 20th century]. Part 2. Novosibirsk. In Russian.
- Fursova E. F.** (2000) Vostochnye slavyane v Zapadnoy Sibiri: sozdanie etnoekologicheskikh sistem razvitiya [Eastern Slavs of the Western Siberia: creation of ethno-ecological systems of development]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Human sciences in Siberia]. 2000. No. 3. Pp. 65–69. In Russian.
- Grigorovskiy N. P.** (1882) Ocherki Narymskogo kraya [Essays on Narym territory]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Proceeding of the Western-Siberian department of the Emperor Russian Geographical Society]. Omsk. Book 4. Pp. 1–31. In Russian.
- Il'inskiy F.** (1893) Russkaya svad'ba v Belgorodskom uезде [Russian wedding in Belgorod county]. Kremenets. In Russian.
- Yanchuk N. A.** (1885) Malorusskaya svad'ba v Kornitskom prikhode Konstantinovskogo uезда Sedletskoy gubernii [Minor-Russian <Ukrainian>

wedding in Kornitsa parish of Konstantinovkiy county of Sedlets province]. Moscow. In Russian.

Pokhabov V.F. (1999) Svadebnaya obryadnost' sel srednego techeniya reki Kii [Wedding ceremony in the villages of Kiya the river's mid-stream]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy VIII nauchno-prakticheskogo seminaru Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the 7th sch.-pr. sem-

inar of the Siberian regional university center of folklore]. Omsk. Pp. 127–132. In Russian.

Sheyn P.V. (coll.) Belorusskie pesni, sobranye P.V. Sheynom [Belarusian songs, collected by P.V. Sheyn]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Proceedings of the Emperor Russian Geographical Society, department of Ethnography]. St. Petersburg. 1873. Pp. 617–639. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: mf11@mail.ru

Tel.: +7 (952) 905-96-94

17, Ak. Lavrentyeva av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Full Professor (History), leading researcher, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
